

УДК 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-582-592

EDN PIZUBM

Нормативно-правовые аспекты и доктринальные подходы к пониманию феноменов ненависти, вражды и унижения достоинства

Римский А.В., Дизер О.А., Абдулманова И.В.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

alex.rimskiy@yandex.ru, dizer77@mail.ru, Zajcevil@mail.ru

Аннотация. Проведен историко-правовой анализ эволюции понятий ненависти, вражды и унижения человеческого достоинства от античного права до международного гуманитарного регулирования. Особое внимание уделено проблеме интерпретации субъективной стороны деяний, разграничению уголовной и административной ответственности, а также идеологическим рискам, связанным с селективным правоприменением. Аргументируется необходимость нормативной конкретизации составов и усиления гарантий свободы выражения. Сделан вывод о том, что нормативное регулирование в этой области должно сочетать защиту достоинства личности с сохранением фундаментальных принципов правовой определенности, пропорциональности и нейтральности закона.

Ключевые слова: возбуждение ненависти, разжигание вражды, свобода выражения, правовая политика, субъективная сторона, административная ответственность, уголовное право, идеологизация права, селективность правоприменения

Для цитирования: Римский А.В., Дизер О.А., Абдулманова И.В. 2025. Нормативно-правовые аспекты и доктринальные подходы к пониманию феноменов ненависти, вражды и унижения достоинства. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 582–592. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-582-592. EDN: PIZUBM

Normative and Legal Aspects and Doctrinal Approaches to Understanding the Phenomena of Hatred, Hostility, and Humiliation of Dignity

Alexei V. Rimsky, Oleg A. Dizer, Irina V. Abdulmanova

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation

alex.rimskiy@yandex.ru, dizer77@mail.ru, Zajcevil@mail.ru

Abstract. The article examines the normative and legal foundations and doctrinal approaches to understanding the phenomena of hatred, hostility, and humiliation of human dignity in Russian and foreign law. A historical and legal analysis of the evolution of relevant concepts from ancient law to international humanitarian regulation is carried out. The authors pay particular attention to the problem of interpreting the subjective side of acts, the delineation of criminal and administrative liability, as well as ideological risks associated with selective law enforcement. The need for normative specification of the compositions and strengthening of guarantees of freedom of expression is argued. It is concluded that the normative regulation in this area should combine the protection of human dignity with the preservation of the fundamental principles of legal certainty, proportionality and neutrality of the law.

Keywords: incitement to hatred, incitement to hostility, freedom of expression, legal policy, subjective side, administrative liability, criminal law, ideologization of law, selectivity of law enforcement

For citation: Rimsky A.V., Dizer O.A., Abdulmanova I.V. 2025. Normative and Legal Aspects and Doctrinal Approaches to Understanding the Phenomena of Hatred, Hostility, and Humiliation of Dignity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 582–592 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-582-592. EDN: PIZUBM

Введение

Современная правовая действительность характеризуется нарастанием социально-политической и этноконфессиональной напряженности, что порождает расширение уголовно- и административно-правового регулирования публичных высказываний, связанных с ненавистью, враждой и унижением достоинства личности. Эти категории все чаще становятся объектом законодательной интервенции, судебной практики и доктринальных споров. Однако оценочный характер самих понятий, отсутствие единых подходов к определению их юридической природы, а также высокая зависимость правоприменения от политического и идеологического контекста создают риски произвольной интерпретации, подмены конституционных принципов правовыми фикциями и инструментализацией уголовного преследования.

В условиях цифровизации публичного дискурса, стремительного роста экстремистских форм вербальной агрессии и параллельно усиления государственной цензуры проблема правового баланса между защитой человеческого достоинства и сохранением свободы выражения приобретает первостепенное значение. Вопрос стоит не только в нормативной корректности составов правонарушений, но и в философской состоятельности самой концепции правового вмешательства в сферу мнения, убеждений и символической коммуникации. Именно поэтому критическое осмысление феноменов ненависти, вражды и унижения достоинства сквозь призму уголовного и административного права, доктрины и судебной практики представляется не только теоретически значимым, но и практически необходимым для укрепления правовой определенности и обеспечения легитимности государственной реакции в условиях современных вызовов.

Целью исследования является комплексный анализ правовых механизмов регулирования публичных высказываний, содержащих признаки возбуждения ненависти, вражды или унижения человеческого достоинства, с акцентом на выявление границ допустимого правового вмешательства в сферу свободы выражения и обеспечения баланса между защитой личности и сохранением демократических основ правопорядка.

Авторами предполагается, что современная правоприменительная практика в сфере уголовного и административного преследования за высказывания, связанные с ненавистью, враждой и унижением достоинства, характеризуется высокой степенью оценочности и неопределенности, что, в отсутствие единых юридических критериев, создает риск инструментализации этих норм в ущерб свободе выражения и правовой определенности. Соответственно, существующее регулирование требует уточнения понятийного аппарата, дифференциации составов правонарушений и установления четких границ между уголовной и административной ответственностью.

Методы исследования:

- формально-юридический, использован для анализа нормативных правовых актов РФ и зарубежных государств, регулирующих ответственность за высказывания, содержащие признаки ненависти и вражды;
- сравнительно-правовой, применен для сопоставления подходов к hate speech в правовых системах России, Германии, Франции, США и международных договорах;

- доктринальный анализ, направлен на выявление философско-правовых оснований вмешательства государства в сферу мнений и символической коммуникации;
- кейс-метод (анализ судебной практики) – для оценки критериев установления субъективной стороны и общественной опасности высказываний в конкретных делах;
- социолого-правовой подход, позволяющий учесть влияние политического и идеологического контекста на правоприменение;
- системный метод, обеспечивающий целостное рассмотрение взаимосвязи уголовного, административного, конституционного и международного права в контексте регулирования публичной речи.

Подходы к понятиям «возбуждение ненависти», «разжигание вражды», «унижение достоинства»

Правовое регулирование феноменов ненависти, вражды и унижения человеческого достоинства демонстрирует не только нормативную, но и цивилизационно-ценностную специфику, отражая эволюцию понимания человеческой личности и границ допустимого публичного высказывания. Эти категории нельзя свести исключительно к уголовно-правовым или административно-правовым конструктам: они носят междисциплинарный характер, находясь на пересечении конституционного права, прав человека, политической философии и социологии.

Еще в римском праве прослеживается защита *dignitas* – достоинства как социального статуса и символического капитала индивида. Хотя римские нормы не знали современного термина «разжигание вражды», правовая система Рима жестко регулировала формы публичного оскорбления: иск *actio iniuriarum* допускал компенсацию за вербальные и физические формы унижения личности.

В новое время, особенно после ужаса Холокоста и Второй мировой войны, необходимость нормативного закрепления защиты от дискриминации и разжигания ненависти стала не только юридической, но и моральной императивой. Ключевым этапом стала Всеобщая декларация прав человека 1948 года, в которой ст. 1 и ст. 7 утверждают принцип равенства и недопустимости дискриминации по признаку «расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений»¹. Эти принципы получили развитие в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965), которая в ст. 4 прямо требует криминализации «всякой пропаганды и всех организаций, основанных на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц»².

Российское законодательство определяет возбуждение ненависти и вражды в ст. 282 УК РФ как действия, направленные на «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе» [УК РФ, 1996, ст. 2954]. С 2018 года законодательство было гуманизировано, уголовная ответственность наступает при наличииотячающих обстоятельств, в иных случаях применяется административное преследование по ст. 20.3.1 КоАП РФ³.

В Германии действует § 130 Уголовного кодекса (*Volksverhetzung*), предусматривающий наказание за публичные высказывания, способные вызвать ненависть или призвать к насилию в отношении групп, определенных по национальному, этническому, религиозному признаку, или лиц с ограниченными возможностями. Немецкое право,

¹ Организация Объединенных Наций. Всеобщая декларация прав человека // Международное право: Сб. документов. М.: Юрид. лит., 2010. С. 45.

² Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (заключена 21.12.1965) (с изм. от 15.01.1992) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 25. Ст. 219.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

в отличие от российского, делает акцент не на «возбуждении» как внутреннем процессе, а на потенциальной дестабилизации общественного порядка.

Французская правовая система предусматривает уголовную ответственность за «публичное провоцирование к дискриминации, ненависти или насилию» (ст. 24 закона от 29 июля 1881 г. о свободе печати). Французская модель исходит из концепции *discours de haine* (hate speech) как категории, ограничивающей свободу слова ради защиты республиканских ценностей.

В США, напротив, благодаря Первой поправке к Конституции, судебная практика последовательно отстаивает максимальную свободу высказывания. В решении *Brandenburg v. Ohio* (1969) Верховный суд указал, что высказывания могут быть запрещены, только если они «направлены на подстрекательство к немедленному незаконному действию» и «вероятно, приведут к таковому». Таким образом, понятие hate speech в США не криминализируется как таковое, за исключением случаев прямого призыва к насилию.

Несмотря на близость терминов, между ними существует важное различие. Ненависть может быть направлена как на индивидов, так и на абстрактные категории (расу, религию), тогда как вражда в правовом смысле подразумевает более организованный, конфликтный и социально опасный характер отношения, как правило, имеющий тенденцию к политическому радикализму. Доктрина признает, что вражда предполагает устойчивость и экстремизм, тогда как ненависть может быть мимолетной или эмоциональной.

Как подчеркивает Ю.М. Батулин, «право не столько фиксирует эмоции, сколько регулирует поведение, способное привести к нарушению прав других. Следовательно, «вражда» имеет более ярко выраженный поведенческий вектор» [Батулин, 2012, с. 45].

Понятие «**возбуждение ненависти**» в российском праве (ст. 282 УК РФ) носит оценочный характер. Оно включает действия, имеющие целью создание, поддержание или усиление чувства враждебности между различными социальными или этническими группами. В отличие от прямых призывов к насилию, возбуждение ненависти может выражаться в форме утверждений, имеющих манипулятивный или стереотипный характер.

«**Разжигание вражды**» (термин, чаще используемый в немецкой и французской правовой традиции) акцентирует направленность действия на трансформацию частной ненависти в публичное проявление, включая подстрекательство к действиям, нарушающим общественный порядок.

«**Унижение достоинства**» – категория более тонкая и комплексная. Конституционный Суд РФ в Определении от 4 декабря 2003 г. № 508-О разъяснил, что под унижением человеческого достоинства понимается «умаление социальной и личной ценности человека», сопряженное с дискриминацией или дегуманизацией.

Юридическая и философская коллизия между свободой слова и защитой человеческого достоинства – одна из наиболее острых в праве XXI века. Как отметил Рональд Дворкин, «свобода слова ценна не потому, что все сказанное имеет ценность, а потому, что сама возможность говорить определяет человеческое достоинство» [Дворкин, 2003, с. 104]. Однако именно в этой связи государство оказывается перед выбором, где проходит грань между допустимым мнением и недопустимым посягательством на правопорядок и достоинство личности. Международные документы (в частности, ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах) допускают ограничения свободы выражения в целях «уважения прав и репутации других» и «охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения»¹.

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

Разграничение уголовной и административной ответственности за «возбуждение ненависти», «разжигание вражды», «унижение достоинства»

Юридическое осмысление субъективной стороны деяний, квалифицируемых как возбуждение ненависти, разжигание вражды или унижение человеческого достоинства, требует не только точной нормативной интерпретации, но и обращения к фундаментальным философско-правовым вопросам: как соотносить вину с эмоцией, мотив с убеждением, волю с публичным высказыванием? Проблематика становится особенно острой в условиях правоприменения, где формально выраженная позиция (например, в социальной сети) начинает рассматриваться как преступное деяние. Современное российское уголовное право, следуя общепринятым классификациям, рассматривает вину как психическое отношение лица к совершенному деянию и его последствиям. В деликтах, связанных с ненавистью, речь идет прежде всего о прямом умысле, лицо осознает характер своих действий и желает наступления последствий в виде возбуждения ненависти, унижения достоинства и т. п. Однако, как зафиксировать юридически факт «желания» возбуждения ненависти?

В судебной практике возникает сложность, эмоция как категория эфемерна и трудно поддается доказыванию. Эта неопределенность повышает риск произвольного правоприменения. Конституционный Суд РФ в ряде решений подчеркивал, что субъективная сторона состава преступления должна быть установлена на основе совокупности объективных данных, а не предположений следствия¹. Примером судебного подхода к доказыванию умысла может служить дело блогера Владислава Синицы, осужденного в 2019 г. по ч. 2 ст. 282 УК РФ. Суд сослался на «контекст, риторику и реакцию аудитории» как доказательства наличия цели возбуждения ненависти. Однако правозащитники указали на проблему неопределенности: высказывание по сути не содержало прямого призыва к действию, и интерпретация умысла была выведена из предположения о «общественном резонансе».

В российской и международной правовой доктрине ведется дискуссия о том, какие элементы внутреннего мира субъекта должны иметь юридическое значение. Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 28 июня 2011 г. № 11, мотив и цель деяния (например, побуждение к национальной розни) должны устанавливаться на основе объективных данных, характера высказывания, аудитории, используемой лексики, визуального сопровождения и т. д. Тем не менее мотив как психологическое явление не поддается однозначной фиксации. Как справедливо отмечает профессор А.В. Наумов, «признание мотива в качестве юридически значимого элемента должно быть строго ограничено, иначе это приводит к криминализации взгляда, а не поступка» [Наумов, 2016, с. 98].

В правовых системах США и Великобритании такие проблемы решаются через принцип *mens rea*, но с акцентом на конкретные действия, а не на идеологическую окраску. В делах о *hate speech* анализируется контекст, но не допускается уголовная ответственность за «чувства» или «убеждения», если они не материализованы в призыв к насилию.

Юридически значимыми становятся следующие элементы:

Характер лексики: использование выражений, исторически связанных с дискриминацией (например, «деградировавшие расы», «паразитические религии»).

Целевая аудитория: выступления, направленные на мобилизацию определенных групп (например, ультраправых организаций), обладают повышенной степенью общественной опасности.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П.

Платформа распространения: публикация на YouTube- или Telegram-канале с десятками тысяч подписчиков рассматривается как свидетельство публичности и преднамеренности.

Интонация и визуальный ряд: при анализе видеоматериалов учитываются не только слова, но и мимика, интонация, использование символики.

Как подчеркивает ЕСПЧ в ряде решений (например, *Perinçek v. Switzerland*, 2015), анализ должен быть комплексным и учитывать не только формулировку, но и общий политико-коммуникативный контекст. В противном случае, по мнению суда, существует риск «деградации свободы выражения до института наказания за несовпадающее мнение».

Один из ключевых вопросов, встающих перед правоприменителем и законодателем при регулировании феноменов ненависти и вражды, заключается в разграничении между мерами уголовного и административного характера. Эта граница не только формально-правовая, но и концептуальная, ибо отражает разное понимание степени общественной опасности, правовой природы посягательства и допустимых границ государственной репрессии.

В доктрине уголовного права принято считать, что уголовная ответственность наступает только в случаях, когда содеянное достигает высокого уровня общественной опасности. Это положение закреплено как в общих принципах уголовного законодательства, так и в позиции Конституционного Суда РФ: «уголовное преследование допустимо лишь при наличии деяния, обладающего признаками высокой степени опасности и посягающего на конституционно значимые блага»¹.

Таким образом, **административная ответственность** служит как бы фильтром, позволяющим реагировать на менее значительные проявления противоправного поведения, в то время как **уголовно-правовая реакция** включается лишь в случае устойчивого, целенаправленного и повторяющегося характера действий.

Примером такой логики является разграничение между ст. 20.3.1 КоАП РФ (мелкое возбуждение ненависти) и ст. 282 УК РФ (системное или отягчающее обстоятельствами возбуждение ненависти). Как разъяснил Верховный Суд РФ, «квалификация деяния по статье 282 УК РФ допустима, если установлены признаки устойчивости, публичности и направленности на дестабилизацию межнациональных, религиозных или социальных отношений» [Лебедев, 2020, с. 204].

Одним из слабых мест отечественного законодательства является дублирование норм, регулирующих идентичные по сути деяния. Это создает риск произвольного применения более жестких санкций. Например, фактически одинаковые действия (например, публикация ксенофобного текста в интернете) могут быть квалифицированы как административное правонарушение, либо как уголовно наказуемое деяние в зависимости от субъективного восприятия следователя или прокурора.

Такой подход противоречит принципу правовой определенности, закрепленному в ст. 1 УК РФ и в практике ЕСПЧ. В деле *Baczkowski v. Poland* (2007) ЕСПЧ подчеркнул, что неопределенность законодательства, позволяющая властям произвольно трактовать действия индивида, нарушает ст. 10 и 11 Европейской конвенции о защите прав человека. Ю.В. Голикова справедливо указывает: «В условиях нормативного перекрытия уголовного и административного составов, вопрос о мере наказания превращается в вопрос об отношении правоприменителя к субъекту, а не к праву» [Голикова, 2014, с. 78].

В правовой литературе существует ряд подходов к разграничению административных и уголовных составов по признаку:

– интенсивности общественной опасности (формализуемой через повторность, публичность, тиражирование);

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П.

- формы вины (наличие специального умысла в уголовной форме, и простой в административной);
- средства распространения (интернет, СМИ, публичное выступление);
- наличия последствий (общественные беспорядки, рост межэтнического напряжения).

Например, предлагается установить **обязательный фильтр в виде судебной квалификации**, исключив право возбуждать уголовные дела по ст. 282 УК РФ¹ без предварительного рассмотрения административного дела в мировом суде. Такой подход обеспечил бы соблюдение презумпции минимальности вмешательства государства в сферу свободы слова и обеспечил бы иерархичность правовых средств.

В США, как уже отмечалось, hate speech не криминализуется, за исключением случаев прямого подстрекательства к насилию. В то же время в ряде стран ЕС действует **двухуровневая модель**: сначала – административная реакция в форме предупреждений, блокировок и штрафов, затем – уголовное преследование при наличии устойчивой общественной опасности. Германия и Франция используют «систему раннего реагирования» через специализированные агентства (*Bundesprüfstelle, CNCDH*), уполномоченные оперативно отслеживать ксенофобный контент и инициировать процесс.

Таким образом, **институционализированное разграничение мер воздействия** – одно из ключевых условий эффективности и легитимности государственной политики в борьбе с разжиганием вражды.

Критерии оценки понятий «возбуждение ненависти», «разжигание вражды», «унижение достоинства»

Юридическое регулирование публичных высказываний, связанных с проявлениями ненависти, вражды или унижения достоинства, в современных правовых системах уже невозможно мыслить вне политического и идеологического контекста. Объективно и беспристрастно применяемая правовая норма – это теоретический идеал, который при столкновении с реальными практиками управления общественным мнением оказывается подвержен интерпретациям, избирательности и подмене целей. Именно здесь возникает риск не защиты общественного блага, а **инструментализации права** как средства политической репрессии или моральной цензуры.

Норма, формулирующая запрет на разжигание вражды или унижение достоинства, является по своей природе **оценочной** и требует интерпретации. Но каждая интерпретация опирается на ценностные координаты, заданные либо **конституционными установками**, либо **доминирующей идеологией**. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2005 г. № 2-П подчеркивается, что «право на свободу выражения мнений не может быть реализовано способами, нарушающими достоинство других лиц, подрывающими основы межнационального согласия и терпимости в обществе». Тем самым суд предлагает идеологическую рамку, в которой достоинство выступает как не подлежащее критике основание публичной этики, а «терпимость» как высшая правовая ценность.

Но как определять границы этой терпимости? Кто наделен правом решать, является ли то или иное мнение провокацией, критикой или агрессией? Именно в таких случаях право рискует превратиться в **репрессивный аппарат**, подавляющий инаковость под видом защиты равенства. Как отмечал М. Фуко, «право формируется в поле сил, и не существует нейтральной юрисдикции — всякая норма предстает как закрепление определенной стратегии власти» [Фуко, 1996, с. 221].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Современная российская практика демонстрирует ярко выраженную **избирательность применения норм** о возбуждении ненависти и унижении достоинства. Например, высказывания, направленные на дискредитацию религиозных меньшинств, нередко остаются без правовой реакции, тогда как критика представителей власти быстро квалифицируется как разжигание социальной вражды. Показательно дело Д. Полудовой, осужденной по ч. 2 ст. 280 УК РФ за публикации, интерпретированные как посягательство на территориальную целостность РФ. При этом высказывания, содержащие признаки ненависти к этническим и ЛГБТ-группам, остаются без правовой реакции. Подобная избирательность порождает эффект правового дуализма и подрывает легитимность нормативного механизма защиты достоинства. Комитет ООН по правам человека в своих замечаниях по России указывал: «применение законодательства о борьбе с экстремизмом должно осуществляться в соответствии с принципами равенства, правовой определенности и пропорциональности»¹.

Ограничения свободы выражения в правовом государстве возможны только в пределах, установленных Конституцией и международными обязательствами. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, права человека могут быть ограничены лишь в целях «защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»². Однако именно **интерпретация** этих формулировок может стать ареной политических игр. Как подчеркивает А.А. Ослон, «запретная норма, лишенная проверяемых критериев, становится механизмом идеологического контроля – ее основное назначение не в защите права, а в санкционировании нужного поведения» [Ослон, 2018, с. 24]. С этой точки зрения борьба с ненавистью превращается в **превентивный контроль за мнением**, где ключевую роль играют не сами слова, а фигура высказывающего и контекст власти. Так право перестает быть инструментом равенства и превращается в диспозитив исключения.

Обобщая проведенный анализ, следует признать, что нормативно-правовая регуляция феноменов ненависти, вражды и унижения человеческого достоинства находится в зоне высокой теоретической и практической неопределенности. Пограничный характер этих понятий, находящихся между правом, моралью и политикой, требует не только юридической техники, но и философской проработки — понимания пределов допустимого, сущности свободы выражения и предела государственного вмешательства.

Прежде всего, как показал историко-правовой анализ, категория «достоинство» — центральное понятие всей нормативной конструкции. От римской *dignitas* до универсалистских документов XX века (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах) — идея достоинства выступает не только как объект охраны, но и как основа ограничения свободы, включая свободу слова. Проблема в том, что чем выше символическая ценность категории, тем выше риск ее идеологизации, защита достоинства все чаще становится обоснованием политической репрессии и селективного применения закона.

Во-вторых, как выявлено в сравнительно-правовом и доктринальном анализе, в разных правовых системах отсутствует единый подход к разграничению понятий «ненависть» и «вражда», трактовке состава преступления и фиксации субъективной стороны деяния. Российская модель тяготеет к кодифицированной, но оценочной формуле (ст. 282 УК РФ), которая остается подверженной произвольному расширительному

¹ UN Human Rights Committee. Concluding observations on the seventh periodic report of the Russian Federation. CCPR/C/RUS/CO/7. Geneva, 2015. P. 6.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.06.2025).

толкованию со стороны правоприменителей. В то же время в системах англо-американского права свобода слова трактуется значительно шире, а сам факт негативного отношения к группе лиц не является основанием для вмешательства со стороны государства, если это не связано с прямым и неминуемым призывом к насилию (*Brandenburg v. Ohio*, 1969).

В-третьих, исследование показало правовую зыбкость разграничения между **административной** и **уголовной** ответственностью. Совпадение диспозиций в КоАП РФ и УК РФ (ст. 20.3.1 и ст. 282 соответственно), размытость понятий «публичность», «деструктивность» и «возбуждение», а также отсутствие формализованных критериев для определения степени общественной опасности создают предпосылки для правовой неопределенности и правоприменительного произвола. Это нарушает принцип *nullum crimen sine lege certa* – «нет преступления без определенного закона».

Наконец, обращение к вопросу **правовой политики** позволяет сделать критический вывод: текущая тенденция к усилению государственного контроля за публичными высказываниями сопряжена с риском подмены уголовного права политической цензурой. Использование норм о ненависти и вражде как инструмента контроля над дискурсом разрушает доверие к правовой системе и нарушает фундаментальный баланс между индивидуальной свободой и публичной безопасностью. Как указывал Дворкин, «государство не должно защищать своих граждан от обидных идей — оно должно защищать их право отвечать» [Дворкин, 2003, с. 154].

Таким образом, необходима комплексная доктринальная и законодательная ревизия регулирования публичных высказываний, в особенности в части правовой квалификации посягательств на достоинство, возбуждение ненависти и разжигание вражды.

Основные направления могут включать:

- четкое разграничение уголовных и административных составов по объективным критериям;
- исключение оценочных формул без параметров проверки;
- введение обязательной стадии предварительной административной квалификации деяния до возбуждения уголовного дела;
- обеспечение проведения независимой экспертной оценки высказываний с участием специалистов в области лингвистики, психологии и права.

Усиление судебного контроля над интерпретацией мотивов и контекста.

Подлинное правовое государство не может допустить, чтобы право теряло смысл в момент политической необходимости. Вопрос не в том, чтобы отказаться от защиты достоинства, а в том, **чтобы не утратить достоинство самого права**.

Заключение

Юридическая регламентация феноменов ненависти, вражды и унижения человеческого достоинства представляет собой одну из наиболее сложных и многослойных проблем современного права. В условиях усиливающейся социокультурной поляризации, цифровизации дискурса и роста правовой интервенции в сферу символической коммуникации, данные категории приобретают не только юридическое, но и мировоззренческое значение. Их регулирование затрагивает не только формальные аспекты уголовной или административной квалификации, но и фундаментальные вопросы взаимоотношения свободы выражения и защиты человеческого достоинства как высшей правовой ценности.

Современная правовая практика, как российская, так и зарубежная, демонстрирует, что правоприменение в данной сфере все более зависит от политико-идеологического контекста. Эмоционально и оценочно нагруженные категории («вражда», «ненависть»,

«унижение достоинства») не обладают четкими границами и потому легко поддаются инструментализации, что создает риски подмены принципа правовой определенности произвольной репрессивной практикой, особенно в случаях, когда квалификация деяния основывается на предположениях о мотивах, а не на объективных фактах.

Сравнительный анализ международных подходов демонстрирует наличие нескольких моделей, от минималистской (США), ориентированной на защиту свободы слова до последнего рубежа, до интервенционистской (Германия, Франция), рассматривающей hate speech как угрозу общественному порядку и ценностному единству. Российская модель пытается балансировать между этими полюсами, однако сталкивается с проблемами правовой неопределенности, дублирования норм, избирательности преследования и чрезмерной зависимости правоприменения от контекста и фигуры субъекта.

Проведенный анализ позволяет заключить, что эффективное и легитимное правовое регулирование феноменов ненависти и вражды возможно только при соблюдении ряда принципиальных условий: нормативной ясности, философской обоснованности вмешательства, институциональной независимости правоприменителя и уважения к иерархии прав человека. Необходима разработка внятных критериев разграничения между уголовной и административной ответственностью, четких стандартов оценки субъективной стороны деяний, а также развитие правовой доктрины, способной соотнести свободу слова с меняющимся ландшафтом общественных рисков. Только при этих условиях право способно выполнять свою миссию, быть не инструментом подавления, а механизмом справедливости и гражданского согласия.

Список литературы

- Батурин Ю. М. 2012. Свобода слова и пределы допустимого. М.: Норма. 87 с.
Голикова Ю.В. 2014. Конкуренция норм и принцип справедливости. СПб.: Юрид. центр Пресс. 119 с.
Дворкин Р. 2003. Серьезность дела: размышления о праве, морали и политике. М.: ИНИОН, 214 с.
Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М.: Норма, 2020. 652 с.
Наумов А.В. 2016. Российское уголовное право. Общая часть. М.: Норма. 142 с.
Ослон А.А. 2018 Политико-правовая идеология в современной России. М.: ИСПИ РАН. 92 с.
Фуко М. 1996. Воля к истине. СПб.: Наука. 446 с.

References

- Baturin Yu. M. 2012. Freedom of speech and limits of the permissible. M.: Norma. 87 p.
Golikova Yu.V. Competition of Norms and the Principle of Justice. SPb.: Legal Center Press, 2014. 119 p.
Dvorkin R. The Seriousness of the Case: Reflections on Law, Morality, and Politics. M.: INION, 2003. 214 p.
Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / edited by V. M. Lebedev. M.: Norma, 2020. 652 p.
Naumov A.V. Russian Criminal Law. General Part. M.: Norma, 2016. 142 p.
Oslon A. A. Political and Legal Ideology in Modern Russia. M.: ISPI RAS, 2018. 92 p.
Foucault M. The will to truth. St. Petersburg: Nauka, 1996. 446 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported

Поступила в редакцию 23.06.2025

Поступила после рецензирования 28.08.2025

Принята к публикации 18.09.2025

Received June 23, 2025

Revised August 28, 2025

Accepted September 18, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Римский Алексей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Alexey V. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника института, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Абдулманова Ирина Валерьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Irina V. Abdulmanova, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.